

Въ концѣ шестидесятихъ годовъ, мнѣ, пріѣхавшему на постоянное жительство въ свое имѣніе, встрѣтилась необходимость познакомиться съ сосѣдями-помѣщиками. Какъ охотникъ, я сдѣлалъ одинъ изъ первыхъ визитовъ сосѣдству моему, какъ я по слухамъ зналъ, бывшему охотнику, князю К....у. Само собою разумѣется, что съ первыхъ же словъ разговоръ перешелъ на большое мѣсто—на охоту. Князь, по его рассказамъ, былъ псовымъ охотникомъ еще во времена крѣпостного права, имѣлъ хорошую стаю гончихъ и пять или шесть своръ борзыхъ, зналъ всѣ правила охоты, и меня, какъ начинавшаго только самостоятельную охоту съ борзыми, очень интересовали его рассказы о быломъ времени, о прежнихъ его охотахъ, объ удачахъ и неудачахъ на ней и тому подобное.

Послѣ шестьдесятъ перваго года,—когда всѣ Степки, Васьки, Алешки и т. д., боявшіеся одного взгляда своего барина, сдѣлавшись вольными птицами, отказались отъ всякихъ порсканій, отъ бѣшеныхъ скачекъ на лихомъ конѣ,—князю сперва пришлось сократить охоту, а потомъ и совсѣмъ ее прекратить, такъ какъ, по его словамъ, такого порядка, къ которому онъ привыкъ на охотѣ, съ нанятыми охотниками быть не можетъ. Портить же кровь ради оплошавшаго какого-нибудь Васьки, а нынѣ Василья, да еще пожалуй Игнатьева, или что-нибудь въ этомъ родѣ,—ничего нѣтъ пріятнаго, при сознаніи, что ничего не можешь ему сдѣлать за такую оплошность, которая въ блаженное время влекла за собою пятьдесятъ горячихъ.

И вотъ князь хотя охоту и прекратилъ, но косточка псоваго охотника у него не выпала, а потому онъ убѣдительно просилъ меня непремѣнно съ собаками пріѣхать къ нему, расхваливалъ мѣста около его имѣнія и пограничныхъ съ нимъ и общалъ быть участникомъ на охотѣ.

Владѣя около дома хорошими мѣстами для охоты и удачно охотясь въ нихъ, я въ первую же осень довольно чисто ихъ обобралъ и рѣшилъ на слѣдующую осень свои мѣста со-всѣмъ не трогать для развода звѣря, а ѣхать въ предлагаемыя княземъ и въ другія, болѣе отдаленныя, мѣста.

Зимою мнѣ случилось какъ-то съ ружьемъ быть у князя и, чтобы убѣдиться въ качествѣ хваленыхъ мѣстъ и познакомиться съ ними, я отправился на лыжахъ походить по островамъ. Надѣвъ полушубокъ и взявъ двухстволку, я вышелъ на террасу, чтобы взять лыжи и идти, какъ князь, вышедшій меня проводить, взялъ меня за плечо и, повернувъ въ сторону, указалъ рукою по направленію къ рѣкѣ, гдѣ, по чистому полугорью, къ отъемному лѣсу, чинно шествовали шесть волковъ.

— Жаль, что васъ вчера не было у меня съ ружьемъ, — сказалъ мнѣ князь, — можетъ быть, на этомъ мѣстѣ, гдѣ вы стоите, вы убили бы волка.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Вчера вечеромъ, въ трехъ шагахъ отъ этой террасы, волкъ утащилъ дворную мою собаченку и я видѣлъ это въ окно, но пока я выскочилъ на террасу, чтобы хоть закричать, такъ какъ я не ружейный охотникъ и ружья у меня нѣтъ, то ни волка, ни собаки моей уже не было. — Идите-ка, можетъ убьете собачьяго вора... Желаю успѣха.

Успѣха однако-жъ мнѣ не было. Проходилъ я цѣлый день: видѣлъ въ островѣ двухъ лисицъ, пропасть волчьихъ течекъ, лисьихъ нарысковъ, и съ однимъ убитымъ бѣлякомъ возвратился къ князю, поджидавшему меня съ хлѣбосольнымъ радушіемъ.

— А вотъ завтра утромъ пройдите у меня по саду вдоль плетня, сказалъ мнѣ на сонъ грядущій князь. Русака тамъ ложится много. Если убьете, то хоть сколько-нибудь моихъ молодыхъ яблонь спасете. Сами увидите, сколько яблонь мнѣ зайцы попортили.

На слѣдующій день однако не пришлось поохотиться. Снѣгъ валилъ хлопьями и мнѣ оставалось только, поблагодаривъ князя и пообѣщавъ вновь скоро пріѣхать, уѣхать домой.

Служебныя и хозяйственныя дѣла не дали мнѣ возможности въ эту зиму еще побывать у князя и только въ Маѣ мѣсяцѣ я пріѣхалъ къ нему; тутъ я взялъ съ собою его лѣсника и отправился походить по островамъ, даже не съ цѣлью охоты, а просто въ виду ознакомленія съ мѣстностью для осенней охоты.

Островъ, принадлежацій князю К. и другому князю К., раздѣляется громаднымъ оврагомъ съ песчанымъ дномъ, обвальнымъ, почти сплошь покрытымъ лѣсною порослью, на днѣ котораго протекаетъ мелкій ручей, составляющій границу владѣній двухъ князей.

Пройдя вдоль ручья съ версту и любясь на грандіозность оврага, на постоянно измѣняющіяся картины, я обратилъ вниманіе на площадку желтаго песку, какъ будто недавно выкопаннаго изъ норы, немного выше середины ската, на углу отрога отъ главнаго оврага. Полагая, что это лисья нора и желая въ этомъ удостовѣриться, мы съ лѣсникомъ, съ ружьями въ рукахъ, на четверенькахъ, хватаясь гдѣ за кусты, гдѣ опираясь на ружья, полѣзли по этой кручѣ къ норѣ. Добравшись до песку этого, мы увидѣли свѣжіе слѣды волка въ нору и изъ нея когда я сталъ на колѣно, чтобы взглянуть въ глубь норы, мы оба одновременно невольно оглянулись, услыхавъ подъ нами, на днѣ отрога, шорохъ, и тотчасъ-же увидѣли нѣсколько темныхъ точекъ, которыя ползли, въ 10, не болѣе, саженьяхъ отъ насъ, по молодой травѣ, между лѣсною порослью, производя шорохъ прошлогодней уже сухой листвою.

Спустившись, какъ только можно было скорѣе, мы побѣжали къ этимъ, уже затаившимся звѣрькамъ, и собрали въ одну кучку семь штукъ слѣпыхъ еще волчатъ. Порѣшили ихъ съ мѣста не трогать, а засѣсть на полугорѣ, въ обвалѣ подъ орѣшникомъ, и ждать, когда явится волчица, чтобы угостить ее картечью, а волчатъ взять домой.

Найдены были волчата часовъ въ 9 утра, а сидѣли мы

до пяти вечера и волчица не показывалась, вѣроятно, учуявъ наше присутствіе, хотя я и лѣсникъ ни разу даже не покурили за все время нашей засады. Часа въ три однако я слышалъ шаги волчицы по сухой листвѣ и также ясно слышалъ, какъ она, вѣроятно, сѣвъ по собачьему, махала правиломъ, шурша имъ по листьямъ. Затѣмъ, какъ она ушла и куда, слышать было уже нельзя, такъ какъ набѣжалъ вѣтерокъ, которымъ она, вѣроятно, и воспользовалась, чтобы уйти.

Изрядно проголодавшись и видя бесполезность ожиданій волчицы, мы подошли къ волчатамъ, и вмѣсто всѣхъ семи штукъ, взяли одного, а остальныхъ я порѣшилъ оставить на попеченіе матери съ тѣмъ, чтобы осенью поохотиться на вѣрный выводокъ.

Волченка, взятаго, я отдалъ князю и онъ былъ выпоенъ рожкомъ дочерью князя и жилъ у него пять или шесть мѣсяцевъ, а затѣмъ былъ подаренъ княземъ одному помѣщику Ж...у, у котораго поѣлъ чуть ли не всѣхъ куръ и индюшекъ и казненъ былъ въ послѣдствіи за свою жадность, кажется, повѣшеніемъ.

На слѣдующій день я пошелъ посмотрѣть остальныхъ волчатъ, но ни одного изъ нихъ—ни тамъ, гдѣ я ихъ оставилъ, ни въ норѣ выкопанной, въ которой волчица оценилась, ни по близости,—нигдѣ не нашелъ. За ночь всѣ волчата были матерью куда-то перетасканы, такъ что не только въ день моихъ поисковъ, но и осенью, найти выводокъ этотъ мнѣ не удалось, несмотря на очень хорошихъ гончихъ, которыя тогда у меня были.

Острововъ около описаннаго мною—много. Всѣ они овражисты, съ обвалами, очень крѣпкіе, и звѣря всегда много, но мѣста поистинѣ для меня заколдованныя. Въ описанное время, осенью, я наконецъ собрался къ князю съ охотою и рассчитывалъ поохотиться всласть.

Охота въ то время у меня была маленькая и собаками я ужасно дорожилъ, потому что вывелъ породу купчихъ борзыхъ отъ собакъ Битюцкаго и вся моя охота состояла изъ двухъ сукъ и трехъ кобелей. Изъ этихъ собакъ у меня на сворѣ ходили два купчихъ кобеля и такая же сука на рыску.

Кобель и суки были на сворѣ у охотника, и хотя были рѣзвы, но какъ-то неладисты. Сука „Дивна“, рыскавшая со мною, была красавица вполне и по первой осени жгла русака и лисицу, не давая ни одной понюхать.

Дойдя безъ охоты дорогою до князя, я, переночевавъ, рано утромъ выѣхалъ по полямъ князя, держась направлення къ острову. Дотѣзжачій съ гончими ѣхалъ отъ меня шаговъ на сто вправо по межнюку, а я подержался по бурьяну на другой межѣ.

Не проѣхалъ я и двухсотъ сажень, какъ изъ-подъ дотѣзжачаго вскочилъ русакъ. Гончія на смычкахъ заревѣли и русакъ побѣждалъ прямо на меня. „Дивна“, бывшая на сворѣ, увидавъ русака, легла и, выждавъ его, отчаяннымъ броскомъ потащила русака, когда я не успѣлъ со своры сбросить кобелей. На рысяхъ подтѣхалъ я къ собакамъ и тутъ только увидѣлъ, что у моей любимицы лѣвая передняя нога, выше колѣна вершка на два, сломана пополамъ и остріе сломанной кости, прорвавъ кожу, торчитъ, оголенное, наружи.

Горю моему, кажется, не было границъ и я, выругавъ русака, охотниковъ, мѣсто и даже за что-то „Дивну“, вернулся домой, не заѣхавъ даже къ князю, который изъ окна видѣлъ всю эту картину.—Несмотря ни на какія старанія, у „Дивны“ сдѣлалась гангрена и я лишился моей любимицы.

Въ эту осень въ княжескія мѣста я больше не ѣздилъ.

На слѣдующій годъ, своего верхового коня, передъ охотой, за мѣсяцъ или больше, я поставилъ на овесъ вволю, желая заправить его хорошенько, чтобы онъ не спадалъ съ тѣла во время всей охоты. Къ лошади этой я привыкъ, ѣздивши на ней двѣ осени, любилъ ее за рѣзвость, выносливость, красоту и смиренность. Въ описываемый годъ, какъ разъ первый выѣздъ на охоту на ней мнѣ пришлось сдѣлать въ началѣ Сентября, опять отъ князя, по тѣмъ же мѣстамъ. Вблизи того мѣста, гдѣ въ прошлую осень сломала собака ногу, есть небольшое болотце съ кустами. Охотникъ мой, проѣзжая его съ лѣвой стороны, подозрилъ около самаго куста, на кочкѣ, спящую лисицу. Поднялъ онъ шапку, но въ это время кума проснулась, сунулась отъ него въ кустъ и, вы-

скочивъ въ мою сторону, поползла по межѣ, поросшей полынью, по направленію къ острову.

Спустить своры собакъ и толкнуть коня было дѣломъ одной секунды. Собаки помѣтили тотчасъ же и я уже слѣдилъ, какая изъ нихъ потащитъ лису, какова сама кума и т. д., какъ вдругъ мой конь, проскакавъ съ мѣста карьеромъ не болѣе тридцати шаговъ, на совершенно ровномъ мѣстѣ, падаетъ черезъ голову.

Я очутился далеко впереди упавшей лошади, лежа ничкомъ на мягкихъ озимяхъ. Въ первый моментъ я думалъ, что у меня что нибудь сломано—рука или нога, и что я сгоряча не чувствую, но, пошевелившись, я чувствовалъ что у меня все цѣло и нигдѣ даже не больно. Я вскочилъ, подбѣжалъ къ лошади и не повѣрилъ своимъ глазамъ: она была мертвая. Ссадилъ я охотника, сѣлъ на его лошадь и, разстроенный донельзя потерей любимаго верхового коня въ самомъ началѣ охоты, вернулся къ князю, а отъ него домой.

У лошади, по снятіи кожи, оказалась лопнувшею становая жила, при паденіи ея черезъ голову.

Въ ту же осень, по голу уже, случилось мнѣ, проѣздомъ на охоту въ Краснослободскій уѣздъ, переѣзжать описанныя уже мною мѣста и я, переночевавъ у князя, поѣхалъ наѣздкой черезъ поля, съ намѣреніемъ не брать ни одного изъ острововъ въ этихъ мѣстахъ. Отѣхавъ версты четыре, я увидѣлъ, что какъ разъ на пути мнѣ лежитъ протягъ кустарника, довольно частаго, длиною съ версту, а шириною не болѣе 100 сажень; полоса эта отдѣлялась отъ главнаго, большого, овражистаго острова, уже описаннаго мною, прорубомъ и расчисткою, сажень въ двѣсти шириной.

Встрѣтившійся знакомый мордвинъ-охотникъ, съ ружьемъ, сообщилъ мнѣ, что вчера въ этихъ кустахъ, искавши вальдшнеповъ, онъ видѣлъ двухъ молодыхъ волковъ, шедшихъ шагомъ вдоль кустовъ, опушкою отъ острова, по направленію къ полю, что волковъ здѣсь онъ встрѣчалъ много разъ и именно въ этихъ мелочахъ. Затѣмъ сообщилъ, что нѣсколько дней тому назадъ, онъ съ товарищемъ охотникомъ видѣлъ перетоку, подбывавшаго на рысяхъ по этимъ кустамъ съ поля.

Нечего и говорить, что заманчивость рассказа и удобство мѣстности для травли взяли верхъ надъ рѣшеніемъ проѣхать мимо всѣ острова, и я, недолго думая, занялъ лазъ отъ оврага съ поля, охотника Тимофея поставилъ на лазу по вырубѣ отъ главнаго острова, а другого охотника Ивана поставилъ вдоль опушки для помощи Тимофею. Довѣзшему приказалъ набросить отъ конца кустовъ и брать ихъ по направленію къ главному острову, чему вполне благопріятствовалъ и вѣтеръ.

Не прошло и 20 минутъ, какъ я сталъ на лазу; оглянувшись и вижу ѣдущаго сзади меня по дорогѣ, саженьхъ въ ста, въ телѣгѣ, татарина, а за телѣгой, саженьхъ въ двадцати, труситъ волкъ и, какъ мнѣ показалось сперва, матерый, впоследствии оказавшійся переляркомъ. Татаринъ, не оборачиваясь назадъ, продолжалъ труситься на своей лошаденкѣ съ волкомъ сзади и мнѣ оставалось еще выждать, пока они подвинутся сажень на пятьдесятъ и тогда сбросить своихъ борзыхъ въ поперечь. Такимъ образомъ я или поверну волка на Тимофея, или мнѣ придется травить его по угону въ полѣ, по тому самому отлогому оврагу, на которомъ я стоялъ.

Выждавъ моментъ, я сбросилъ собакъ и, не улюлюкая, показалъ волка, который, вѣроятно, обративъ все вниманіе на пасшееся по этому оврагу стадо, довольно долго не замѣчалъ ни меня, ни собакъ. Не допустивъ однакожъ собакъ сажень на пятьдесятъ, конечно увидавши ихъ и меня, волкъ во всѣ ноги полетѣлъ по оврагу, какъ разъ мимо самаго стада.

Пастухъ, увидавши волка, заоралъ благимъ матомъ, побѣждалъ къ лощинѣ и собака его, къ сожалѣнію—сѣрая, увидавъ волка, понеслась за нимъ, а за нею оказались скачущими три моихъ кобеля, которые, довалившись до подмѣнившей волка несчастной собаки, конечно, положили ее на мѣстѣ, и мнѣ, вмѣсто волка, пришлось принять сѣрую Орелку и заплатить пастуху за удачу моихъ собакъ три рубля.

Въ концѣ или въ срединѣ Августа слѣдующаго года, я, по просьбѣ княжны К., пріѣхалъ вновь съ своею охотою къ нимъ, а жена моя поѣхала къ княгинѣ въ только что

выписанной изъ Петербурга отъ Нелиса троечной коляскѣ, съ хорошимъ кучеромъ на козлахъ и на доброй тройкѣ степняковъ, также недавно выѣзженныхъ, съ тѣмъ, чтобы на другой день быть вмѣстѣ съ княжною зрительницами охоты.

Вечеръ въ этотъ день былъ вполне хорошій. Тихо, тепло и ясно. Не пользоваться, въ деревнѣ живши, подобными, отживающими въ Августѣ, лѣтними вечерами, я считаю грѣхомъ и, по моему предложенію, мы, т. е. я, жена моя, старикъ князь, княжна и сынъ князя, мальчикъ лѣтъ 13, поѣхали ѣхать сейчасъ же къ рѣкѣ, около лѣса, варить кашу.

Сборы были недолги. Уже въ сумеркахъ пріѣхавъ на мѣсто и выгружая принадлежности кулинарнаго искусства, я и князь увидѣли, что водка, вино и вся соленая закуска, все собранное въ узелокъ, оказалось забытымъ въ передней княжескаго дома. Тотчасъ же кучеръ, по приказанію князя, отстегнувъ пристяжную, поѣхалъ за забытымъ узелкомъ и мы остались безъ прислуги.

Труды по тасканію дровъ, воды и разведенію костра, конечно, мы, кавалеры, приняли на себя, а приготовленіе кашицы жена и княжна взяли на себя.

Натаскавши дровъ, которыхъ нужно было, за неимѣніемъ топора, ломать руками и собирать съ земли подъ деревьями, гдѣ стало уже темно, принеся ведра два воды изъ-подъ довольно крутого берега, я почувствовалъ нѣкоторую усталость и съ удовольствіемъ прилежъ на разостланный коверъ, въ ожиданіи закуски.

Въ это время подошелъ мордвинъ охотникъ съ ружьемъ и предложилъ купить у него четыре пары только что убитыхъ чирятъ. Сторговавшись по двадцати пяти коп. за пару, я сунулся въ карманъ за бумажникомъ—нѣтъ... въ другой—тоже; а денегъ было въ бумажникѣ болѣе трехсотъ рублей и ощутить потерю ихъ вовсе не было пріятно.

Между тѣмъ на дворѣ почти стемнѣло, а тѣмъ болѣе въ лѣсу, гдѣ я, собирая сушнякъ, а слѣдовательно нагибаясь, вѣроятно, выронилъ бумажникъ. Все-таки мы всѣ отправились искать, оставили мордвина караулить кашу и, прохаживъ бесполезно болѣе часу, вернулись ни съ чѣмъ.

Тутъ мнѣ и каша показалась невкусна.

На другой день, чуть свѣтъ, я съ доѣзжачимъ и съ молодымъ княземъ вновь отправились на поиски денегъ, но также бумажника не нашли и мнѣ пришлось денежки записать въ расходъ, а горе оставалось размыкать все-таки на охотѣ, почему я, вернувшись домой, тотчасъ-же съ старикомъ княземъ выѣхалъ на охоту. Въ 12 часовъ, къ назначенному нами около вершины небольшого оврага мѣсту, должны были выѣхать моя жена съ княжною и съ молодымъ княземъ, въ качествѣ маркитантовъ, а за это мы должны были послѣ завтрака набросить въ сосѣдній небольшой островокъ гончихъ и обязательно предоставить женскому персоналу видѣть травлю хотя-бы русака, если красного звѣря не окажется.

По дорогѣ къ назначенному для привала мѣсту, я поднималъ изъ-подъ межниковъ двухъ русаковъ, да охотникъ мой одного; такъ какъ день былъ очень теплый, то послѣ каждого затравленного русака нужно было дать собакамъ передышаться. Такимъ образомъ мы только къ 12 часамъ, не бросая нигдѣ гончихъ, дошли до привального мѣста и сейчасъ же за нами показалась изъ-подъ горы моя тройка въ коляскѣ.

Когда всѣ вышли изъ коляски, остановившейся въ самой вершинѣ оврага, гдѣ мы на коврѣ намѣревались открыть засѣданіе, я приказалъ кучеру вынуть изъ баула, что было привезено, и только что онъ сошелъ съ козелъ, чтобы исполнить мое приказаніе, какъ, откуда ни возьмись, выскочилъ бѣлякъ изъ оврага, между нами и собаками—борзыми и гончими. Борзья, бывшія безъ своръ, конечно, бросились за бѣлякомъ, гончія подняли ревъ и вообще сдѣлалась страшная сумятица, съ крикомъ, визгомъ и хлопаньемъ арапника. Лошади напугались и вся тройка, безъ кучера, не успѣвшаго схватить возжи, взяла съ мѣста въ карьеръ и понеслась полемъ по направленію къ усадьбѣ князя. Послали тотчасъ двухъ верховыхъ, чтобы заскакать и остановить или доставить тройку изъ усадьбы князя, куда, по моимъ соображеніямъ, она непременно должна была прибѣжать.

Черезъ часъ подѣзжаетъ одинъ изъ верховыхъ и объ-

являетъ новое для меня удовольствіе на мой вопросъ о томъ, что долго не ѣдетъ коляска.

— Лошади сейчасъ пріѣдутъ въ дрогахъ, а коляску пошли собирать рабочіе князя. Она вся въ дребезги переломана о перила гати и моста, по улицѣ села зацѣплялась о деревья, растущія вдоль дворовъ, и остались цѣлыми только переднія колеса съ осью.

— Ну, господа, сказалъ князь, теперь и я согласенъ, что въ моихъ мѣстахъ охота убыточна что-то. Погода хорошая, не пойти-ли намъ всѣмъ пѣшкомъ домой.

Предложеніе было принято, но мною добавлено, чтобы князь одолжилъ мнѣ дороги доѣхать домой сегодня же, а что завтра я пришлю за коляской и охота утромъ пойдетъ домой.

На возвратномъ пути отъ князя, вспоминая послѣдовательныя сжегодныя несчастія на охотѣ въ княжескихъ мѣстахъ, я далъ себѣ слово никогда больше въ этихъ мѣстахъ не охотиться.

Спустя два года, въ сосѣднее съ моимъ имѣніе пріѣхала владѣлица его, барышня, обуреваемая сильною страстью къ псовой охотѣ; у нея было собакъ пятнадцать хорошихъ борзыхъ и ѣздила она на охоту цѣлую осень, несмотря ни на какую погоду и ни на какое ненастье.

Познакомившись скоро по ея пріѣздѣ, мы начали ѣздить вмѣстѣ и добрались до описанныхъ мною мѣстъ. Я думалъ, что въ тѣхъ мѣстахъ не везло только мнѣ и что счастье, наконецъ, измѣнится, но оказалось, что мы больше десяти разъ брали эти милыя мѣста, и съ гончими, и съ облавою и въ наѣздку, и хоть-бы разъ пришлось воспользоваться удачей на охотѣ.

Теперь вотъ уже пять лѣтъ, какъ я не посѣщаю этихъ мѣстъ; въ теченіе этого времени я изъѣздилъ немало мѣстъ, но нигдѣ меня не преслѣдовали такъ неудачи, какъ въ описанныхъ мною мѣстахъ, названныхъ мною по этому случаю проклятыми.